

К ПЕРЕОЦЕНКЕ СТАРЫХ ЗАПОВЕДЕЙ

Теория текстологии новой русской литературы и на сегодняшний день остается в состоянии стагнации. Все самое значительное и ценное создано еще в 20-е годы трудами Г. О. Винокура, Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума.

Усилия начала 50-х годов возродить теоретическую работу в этой области не дали удовлетворительных результатов. Причина — официозный и заданный характер проведенных мероприятий.

В мае 1954 г. в Институте мировой литературы состоялось четырехдневное Всесоюзное совещание по вопросам текстологии. Прошла треть века с того времени, и пора дать этому событию историческую оценку с достигнутой высоты.

Совещанию предшествовало недовольство двумя вышедшими тогда изданиями сочинений Демьяна Бедного и М. Л. Михайлова. Сочинения Михайлова, переведившего многих зарубежных поэтов, оказались взрывоопасными по понятной причине: шло яростное выкорчевывание всего, что отдавало «преклонением перед иностранщиной». Обстановка в науке представлялась академику-арабисту И. А. Крачковскому «мышьей беготней», и он писал тогда (8 мая 1948 г.) Н. К. Пиксанову из Ленинграда в Москву об этой «мышьей беготне»: «Таковая у нас продолжается, и серия, посвященная истинной физионо-

мии нашего востоковедения в его крупнейших представителях, как будто бы предстоит (есть проект переименовать Розена в Розанова, а Бартольда в Бартольдова). Реальный результат тот, что я взял обратно свою рукопись (по) истории арабистики, ибо предлагаемые изменения, на мой взгляд, совершенно искажают историческую действительность, а «бывшее» все же никогда нельзя сделать «не бывшим». (...) Мы живем в стране неограниченных возможностей»¹.

Наследие же Демьяна Бедного так противоречиво и сложно, что в нем при желании можно найти (и находили!) что угодно, и многое окажется (и оказывалось!) «не в струю», особенно если коснуться еще и истории его текста.

Обнаружились и другие признаки неблагополучия в издании классиков — отчасти действительные, отчасти и мнимые. Критике подверглись академические собрания сочинений Гоголя и Глеба Успенского. Поэтому и проявился интерес к текстологии, своего рода «текстологический бум», приобретший обычные в то время формы зашательской критики, политических проработок, тенденциозных рецензий. Одна за другой начали публиковаться поверхностные статьи, ка-

¹ ИРЛИ. Собр. Н. К. Пиксанова.

сающиеся издания классиков, которое неизбежно объявлялось делом «государственной важности» и «всемирного значения».

Особые страсти разгорелись вокруг шестого тома Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя («Мертвые души» под редакцией В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур). В стремлении очертить эту работу не остановились перед переложкой рецензии Е. И. Покусаева: положительную сделали отрицательной² — вопреки яростным протестам самого рецензента, саратовского профессора. «Многоуважаемый Владимир Александрович! — писал он тогда В. А. Жданову. — Получил Ваше письмо и тотчас отвечаю. В Саратов 2 № «Советской книги» еще не поступил, и я не читал рецензии. Но по Вашему письму вижу, что редакция журнала *без моего согласия* включила в обзор ряд замечаний, которые я не разделяю. Больше того. Что касается «реконструкции текста в сцене с Митяем и Миняем и в разговоре Чичикова с Собакевичем» (это не мои слова!), то я отмечал в своей рецензии эти текстологические изменения в *положительном смысле*. И сейчас мне представляется Ваша правка текста поэмы обоснованной. А те дикие противоречия, на которые Вы справедливо указываете, попали в рецензию только потому, что кто-то в редакции *механически* приклеил к моей положительной оценке текстологической части первого тома «Мертвых душ» свою, никак и ничем не аргументированную, отрицательную, не позаботившись даже о соблюдении элементарной логики. Цитируемая Вами фраза — «литературоведам предстоит еще больша́я работа по выверке текста первой части «Мертвых душ» и восстановлению в каждом ее слове нерушимой авторской воли» — не принадлежит мне и также включена в рецензию *без моего согласия*. Я не

знаю, чем руководствовалась редакция журнала, внося все эти дополнения. На днях я получил из редакции «Советской книги» письмо, в котором глухо сообщается, что в мой обзор внесены «кое-какие исправления» и что согласовать их со мной «не позволило время». Я опротестую столь бесцеремонное нарушение редакцией журнала моих авторских прав. Я буду Вам весьма признателен, если Вы поможете мне рассеять это скандальное недоразумение. (<...> Я глубоко ценю Ваши труды»³.

Б. В. Томашевский, высказавший в рецензии на то же издание Гоголя «критические замечания»⁴, в частном письме сообщал об этом В. А. Жданову и Э. Е. Зайденшнур: «Бога ради, простите мне мое малодушие, но без этого нельзя было печатать статью»⁵. А академик В. В. Виноградов говорил им при встрече: «Как филолог, я на вашей стороне, но...» — и выступал публично не как «филолог». В. А. Жданов и Э. Е. Зайденшнур были уволены с работы.

Такова была обстановка в то время.

Но возник вопрос: каким все-таки должен быть издаваемый текст? За ответом обратились к Сталину — «мудрому вождю», «корифею всех наук», в то время особенно прославившему себя суждениями по вопросам языкознания и политической экономики. По свидетельству очевидцев, он ответил замечательно просто: «Давайте канонический текст»⁶.

³ Архив В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур. Письмо от 20 марта 1952 г. (автор знакомился с материалами архива при жизни Э. Е. Зайденшнур).

⁴ Томашевский Б. В., Фридендер Г. М. Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя // Изв. АН СССР: Отд-ние лит. и яз. 1952. Т. 11. Вып. 1.

⁵ Архив В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур.

⁶ Из выступления С. А. Макашина на заседании научного совета по текстологии 7 февр. 1963 г. (цит. по протоколу, с. 7): «В нашу борьбу с догматизмом не следует вводить дважды культовый термин, который связан

² Советская книга. 1952. № 2.

Это высказывание вполне в духе Сталина, если припомнить его же аналогичную рекомендацию при ответе на вопрос о социалистическом реализме: «Пишите правду!» (Об этом ответе Луи Арагон в своей московской речи 1965 г. отозвался как о хорошем наставлении для детей.)

В Институте мировой литературы был создан сектор текстологии. Директор И. И. Анисимов и академик-секретарь В. В. Виноградов долго уговаривали С. А. Макашина заведовать этим сектором, но он не согласился. Тогда на эту должность была назначена В. С. Нечаева.

Сектор должен был выполнять прежде всего контрольные и инструктивные функции: он обратил внимание на то, что при издании сочинений Герцена и Белинского «не обеспечен коллективный контроль». Взяв за образец опыт издания 30-томного собрания сочинений Горького (где совершенно не ясно, кто, что и как делал), сектор разработал «инструкцию», определяющую обязанности и взаимоотношения всех лиц, связанных с подготовкой издания. Был очерчен круг обязанностей членов редколлегии, подготовителей текстов, ответственных редакторов; предусмотрены «паспорт», текстологическая комиссия, контрольные рецензенты (т. е. предприняты меры бюрократического характера). В одном из вариантов инструкции был такой пункт: «В целях информации об организационных формах подготовки собраний сочинений, а также возможной консультации учреждение или издательство, предпринявшие научное издание произведений того или иного классика русской художест-

венной литературы, критики и публицистики, вступает в связь с сектором текстологии Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Для этого издательство, выпускающее научное издание сочинений писателя-классика, высылает в сектор текстологии планы и проспекты изданий, а также сведения об организации работы над подготовкой издания»⁷.

Такова была бюрократическая претензия на контроль, руководство и «централизацию» дела. Представляю, как это было бы не по душе действительным мастерам текстологии, таким, как Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, С. М. Бонди...

С этой же целью было созвано Всесоюзное совещание по текстологии, и о нем заговорили. «Вероятно, до Вас дошли слухи о предстоящей 10—12 мая «текстологической конференции» с докладом Д. Д. Благого («Типы советских изданий писателей-классиков») и В. С. Нечаевой («Установление канонического текста литературных произведений»). Состоится конференция в Институте мировой литературы, — писал Н. К. Пиксанову П. Н. Берков 3 мая 1954 г. — Тезисы доклада Нечаевой отпечатаны. Из Ленинграда едут М. П. Алексеев (будет его вступительное слово), Б. В. Томашевский, я, Кийко, Голованова и, кажется, Прийма»⁸.

Подготовка совещания, задуманного давно, затянулась, и Сталина уже не было в живых. Но материалы посылались на просмотр в секретариат Г. М. Маленкова⁹. Это было тогда в порядке вещей: в 1950 г. проводилась Павловская сессия по проблемам физиологии, и основной доклад — академика К. М. Быкова — имеет правку Сталина¹⁰.

с прямым вмешательством Сталина в вопросы текстологии. Я помню, как А. А. Фадеев привлек меня к рассмотрению сложного вопроса, связанного с слишком вольным редактированием Ламмом музыкальных текстов. Обратились к Сталину, и он сказал: „Давайте канонический текст“». (Копия протокола хранится у автора.)

⁷ Инструкция хранится в собрании автора.

⁸ ИРЛИ. Собр. Н. К. Пиксанова.

⁹ По свидетельству покойной Э. Е. Зайденшур и А. В. Храбровицкого.

¹⁰ Моск. новости. 1987. № 51.

Но вернемся к совещанию по текстологии.

Во вступительном слове председателя (Н. М. Онуфриева) не просто ставились те или иные проблемы, которые предстояло обсудить, но заранее декларировалось решение всех проблем.

Доклад Д. Д. Благого о типах издания заметных возражений не вызывал.

Трехчасовой доклад В. С. Нечаевой об установлении «канонического» текста провозглашал принцип «ненарушимости воли автора». В нем подчеркивалась «необходимость установления единого окончательного текста литературного произведения, который должен публиковаться во всех изданиях этого произведения, от академического до массового»¹¹. Этот «единый окончательный» текст В. С. Нечаева предлагала называть *каноническим*, подчеркивая этим названием его обязательность и ограждая его от произвольных изменений редакторами. Далее следовали оговорки, что в случае обнаружения новых источников в канонический текст могут быть внесены изменения, но такая возможность «должна рассматриваться как исключение из общего правила — сохранения установленного канонического текста в полной неприкосновенности и перенесения его из одного издания в другое»¹².

В значительной мере пафос доклада был направлен против такого положения, когда «государственно важное дело издания классических текстов бесконтрольно доверяется одному человеку», «редактору-единоличнику». Труды Б. В. Томашевского критиковались как субъективистские и формалистические, не считающиеся с «волей автора». По мнению докладчицы, ра-

бота должна быть организована таким образом, чтобы и выбор основного текста, и все без исключения вносимые в него исправления, вплоть до мельчайших, были подвергнуты рассмотрению в «коллективе специалистов». Окончательное решение оставлялось за «текстологической комиссией» — высшим по компетентности органом, без согласования с которым никто не должен вносить в текст какие бы то ни было изменения.

«Должен» — «не должен» — обычное и привычное словоупотребление в выступлениях такого рода. Но это еще слабо сказано: в других выступлениях (Е. И. Прохорова, например) применительно к текстологии излюбленным был уж и вовсе юридический способ выражения: «имеет право» — «не имеет права».

Говорилось в докладе и о «внимании к политическому звучанию текста»¹³.

Решительным оппонентом докладчицы выступил Б. В. Томашевский. Главные мысли его выступления: текстология не приемлет никакой рецептуры; «канонический текст» невозможно установить, потому что сама действительность не поддается канонизации. Не может быть реализован и принцип «воли автора». Основа текстологии — вся филологическая наука, «понимание» автора и его текста.

Выступление Томашевского, блестящего полемиста, который был, видимо, в особом ударе, отличалось яркостью, блеском остроумия, фейерверком парадоксов, каламбуров, острот. Выписываю со с. 370 стенограммы: «...это не доклад, а символ веры, Веры Степановны. (Смех.) (С места: Не стоит прибегать к таким каламбурам.) Не нужно смеяться, мы обсуждаем серьезные вещи. (С места: Надо обсуждать серьезно.) Прошу у аудитории разрешения на некоторую

¹¹ Вопр. текстологии: Сб. статей. М., 1957. С. 33.

¹² Там же. С. 34. (Стенограмма. С. 67 — хранится у автора.)

¹³ Стенограмма. С. 90—91.

долю темперамента... Тогда разреши-те быть более серым. (*Смех*)».

М. П. Штокмар, имевший с Томашевским научные счеты, уверял, что он был «вдребезину пьян»; другие это отрицают, говоря только, что он был «в страшном экстазе» (И. В. Шамориков). Правильнее, видимо, думать, что это выступление с элементами эпатажа было формой критики совещания и претендовавших на господство текстологических взглядов, естественной реакцией на заявленные претензии. Доклад, основанный на упрощенно-механическом представлении о творческой работе писателя, давал к тому множество оснований.

О Томашевском писал потом Н. В. Измайлов: «...он был от природы бойцом и полемистом и, вступая в литературные бои и научные споры, не щадил ни своих сил, ни своих противников и никогда не считался с последствиями, которые подчас могли иметь для него его выступления. А противников у него было немало: сам всегда строго принципиальный в своих научных убеждениях, он не терпел псевдоучености, прикрытой эффектными фразами и заимствованными мыслями, не терпел поспешных и необоснованных выводов, невежества, беспринципности в науке»¹⁴.

На совещании крайне неудачно полемизировал с ним Е. И. Прохоров. Выступление Томашевского он назвал «текстологией в анекдотах»: «Этим и объясняется смех в зале и те бурные аплодисменты, которыми провожали выступающих, как бы прося их бисировать. (...) В. С. Нечаева не нуждается в моей защите, но я позволю себе привести здесь такое сравнение: что дает больше пользы: 25-ваттная лампочка или фейерверк? Думаю, что все-таки лампочка. И выступления некоторых товарищей были именно такими «лампочками», — эти

лампочки светят пока еще слабо по необходимости, так как многое у нас не разработано. Что делать, например, со мной, пока единственным аспирантом по текстологии, — так же неясно. Но все-таки и я склонен считать себя такой же лампочкой, которая все-таки горит и от которой есть какая-то польза. (*С места*: Так, оказывается, вы и есть то историческое лицо, с которого началась подготовка текстологов? *Смех*.) А выступления тт. Томашевского и Зайденшнур — это фейерверки, они красивы, но фейерверк — это минутное удовольствие, а после фейерверка — мрак, темная ночь. И в текстологии так и получилось»¹⁵.

На столь «организованном» мероприятии были, конечно, и «солидарные» с докладчиком выступления. Кроме Е. И. Прохорова, в том же духе выступили Н. М. Онуфриев, А. К. Котов. Но в большинстве авторитетнейших выступлений доклад об установлении текста подвергся принципиальнейшим — в лучшем случае — замечаниям.

П. Н. Берков призвал учитывать исторический опыт, как и Д. С. Лихачев, который указал также на опыт «общей текстологии» (классической, медиевистической, фольклорной), считал необходимым более точно определить понятие «воля автора», возражал против сужения понятия «текстолог» до роли практика.

Б. С. Мейлах, В. Д. Кузьмина отметили связь текстологии со всем литературоведением и выступили за использование в ней научных приемов.

В. В. Виноградов усмотрел в докладе преобладание практики над теорией, выдвижение рецептов и наставлений, не всегда оправданных. Ю. Г. Оксман тоже считал, что в докладе текстология рассматривается в узко прикладном значении, «слишком много внимания уделено рецептуре».

¹⁴ Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1960. Сб. 3. С. 24.

¹⁵ Стенограмма. С. 487—488.

А. Б. Шапиро подчеркнул, что вопросы текста нельзя решать голосованием.

Т. Г. Цявловская выступила за «право на мысль в науке», которая позволяет «осмыслить весь процесс создания литературного памятника и прийти к выбору такого текста, который в максимально возможном виде воспроизводит тот текст, который автор желал донести до читателя»¹⁶.

Тем не менее, в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка»¹⁷ появился тенденциозный и никем не подписанный отчет о совещании. В нем то «направление» в текстологии, которое было представлено в докладах, изображалось абсолютно победоносным; доводы оппонентов попросту отменялись без всякого раскрытия как несостоятельные. Выступления Б. В. Томашевского и Э. Е. Зайденшнур, которые зал сопровождал рукоплесканиями, в отчете представлены как идейно опровергнутые и разбитые: будто бы был дан отпор попыткам отрицать возможность научных принципов в текстологии.

По этому отчету участники совещания не узнавали мероприятия, на котором присутствовали. 29 сентября 1954 г. Ю. Г. Оксман писал Н. Ф. Бельчикову (который на совещании не был по болезни): «Если бы я одновременно не прочел отчета о текстологической конференции в «Известиях ОЛЯ», то был бы удивлен больше, но сейчас ничему уже не удивляюсь. Искусство исказить события доведено до пределов фантастики. Если бы я сам не был на этой конференции, то мог бы предположить, что отчет дан о каком-то другом совещании текстологов, — до того все далеко от того, что действительно происходило»¹⁸.

Анонимным и тоже насквозь тен-

денциозным был отчет в «Литературной газете»¹⁹; лучше — в «Советской культуре»²⁰, где получили отражение выступления Томашевского и критика доклада В. С. Нечаевой.

Обремененные пережитками догматизма и весьма неподходящими применительно именно к науке администраторскими тенденциями, участники совещания искали выход из кризиса в выработке «общеобязательных» правил, в составлении инструкций, «канонизации» текстов и негибких приемах, в централизации дела и принятии коллективных решений, — тогда как для подлинного развития науки необходимо избавление ее от догматических пут, совершенствование ее научного метода — филологического анализа текстов, проведение конкретных научных исследований, неотделимых от общих литературоведческих установок.

Так в начале 50-х годов произошла догматизация текстологии: она стала пониматься узко, только в прикладном, эдиционном значении, и вся текстологическая премудрость свелась к понятию «канонический текст» (известному со времен М. Л. Гофмана), который стремились определить исходя из «последней воли автора», понимаемой примитивно — в биографическом и юридическом смысле, а текстологу отводилась роль некоего стража текстологического порядка.

Оценивая сегодня совещание 1954 г., важно определить социальную природу этого явления. Оно, бесспорно, — порождение своего времени и отражает общее положение в нашей науке в конце 40-х — начале 50-х годов.

Текстологическое совещание 1954 г. — очевидный аналог печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 г. (только несколько запоздавший — совещание намечалось на осень 1952 г.). Эти явления, может быть, не

¹⁶ Там же. С. 426.

¹⁷ Изв. АН СССР: Отд-ние лит. и яз. 1954. Т. 13. Вып. 4. С. 392—396.

¹⁸ ГБЛ. Фонд Н. Ф. Бельчикова.

¹⁹ Лит. газета. 1954. 27 мая.

²⁰ Сов. культура. 1954. 18 мая.

одного масштаба, но — однотипные, сходные. Для науки того времени характерно провозглашение одного мнения безраздельно господствующим и единственно правильным.

Непосредственным продолжением этой тенденции стала работа сектора текстологии ИМЛИ и книга «Основы текстологии» (М., 1962). Схематизм, нормативность, рецептурный характер этого издания отмечались на ряде последующих обсуждений, где было сказано, что понятие «последняя авторская воля» сложно и шатко (думают, что «волю автора» можно заполучить в «чистом» виде и даже упрятать в сейф); что термин «канонический текст» негоден не потому, что он отдает «церковностью», а потому, что в нем — ложная идея, будто текст можно канонизировать. Ничего не сказано было в книге об эстетической, литературно-художественной специфике дела; возобладал ремесленнический подход к проблемам классических текстов — с упрощенной архивистской методикой.

Искусство принадлежит к явлениям эстетического порядка, к которым неприменимы грубые и «точные» меры. Здесь все сложнее, и надо говорить не только об авторской воле, но и об авторском произволе, иногда — об авторском безволии, а также о воле читателя (Д. С. Лихачев). В текстологии следует ввести понятие «валентности» — подобно тому, как в языкознании существует понятие языковой валентности. Надо изучать законы сочетаемости слов, образов, учиться пользоваться ими в текстологической работе.

Проследив сложную историю текста стихов Пушкина о бедном рыцаре, С. М. Бонди пришел к выводу, что «канонического» текста нет и не может быть; полное понимание стихотворения дает только обращение ко всей его истории²¹.

²¹ Бонди С. М. Стихи о бедном рыцаре//

Догматическая текстология уповает на внешние свидетельства (документы) при полном недоверии к возможностям анализа и извлечению сведений о тексте из самого текста — это считается субъективистским приемом. «Спор о том, «выразительна» или «невыразительна» эта строфа, не имеет большого смысла, — пишет Е. И. Прохоров (автор наиболее важных глав «Основ текстологии»), — так как оценки эти часто определяются личным вкусом читающего, а в текстологии такой спор вообще беспредметен. Важно другое — все же в альбоме Смирновой она написана Лермонтовым: видимо, эти строки поэту были нужны»²².

Задиристым, «докторальным» тоном, подмеченным в свое время еще В. В. Ермиловым²³, здесь объявляется, что эстетические оценки всегда субъективны и при установлении текста приниматься в расчет не должны.

Сектор текстологии ИМЛИ перестал существовать в 1965 г. Несколько ранее был ликвидирован и научный совет по текстологии, существовавший при отделении литературы и языка с 1958 г. под председательством Ю. Г. Оксмана. Текстология осталась и до сих пор пребывает без научного центра.

Велика поучительность всего этого.

Филология «чуждалась эстетики», — отмечал профессор Р. Р. Гельгардт в своем исследовании о теоретических основах изучения стиля художественной речи. Среди причин, не способствующих этому изучению, он назвал фактическое невнимание к целостному постижению художест-

Изв. АН СССР: Отд-ние общ. наук. М.; Л., 1937. № 2—3. С. 659—677.

²² Прохоров Е. И. О тексте и дате стихотворения Лермонтова «А. О. Смирновой»//Рус. литература. 1960. № 4. С. 131.

²³ Ермилов В. Что противопоставлено текстологии? (Пolemические заметки)//Рус. литература. 1959. № 1. С. 119—128.

венного произведения (несмотря на чисто словесные заявления о его необходимости), отставание стилистических исследований, расторжение истонных связей литературоведения и лингвистики и отсутствие лингвистической осведомленности литературоведов; невнимание к формальным и эстетически своеобразным средствам, вследствие чего, по словам Гельгардта, «сама проблема художественной формы, система средств словесного выражения, ориентированных на эстетическое воздействие, оказалась вытесненной. (...) Появилось даже предвзятое отношение к средствам выражения, к художественной форме, потому что этот объект исследования, как ошибочно полагали, способен привести филологов к методологически порочным формалистическим построениям»²⁴.

В текстологических исследованиях Д. С. Лихачева, построенных преимущественно на материале древнерусских литературных текстов и не связанных с текстологическим талмудизмом московской школы, вполне учитывалась эта сложность²⁵.

Книга «Основы текстологии» уже через 10 лет после ее выхода не признавалась безусловным успехом. Н. М. Фортунатов справедливо писал, что в текстологии новой русской литературы нет фундаментальных обобщений, подобных книге Д. С. Лихачева, посвященной древнему периоду. В примечаниях он добавляет, что с момента первого издания книги Б. В. Томашевского «Писатель и книга» (1928) прошло несколько десятилетий, «необходимость в такого рода исследованиях давно назрела. «Основы текстологии» (М., 1962) лишь в какой-то мере восполняют этот досад-

ный пробел»²⁶. Н. М. Фортунатов пишет далее: «Более того, именно текстологии нового времени пришлось испытать на себе сравнительно недавно крепость старых представлений, сурово ограничивавших ее возможности и сферу ее применения как определенного вида «прикладного» научного филологического исследования»²⁷.

Академик В. В. Виноградов, назвав сектор «текстологической духовной семинарией», определил его метод как субъективно-психологическое, антиисторическое идеологизирование, как «попытку преодолеть эстетический субъективизм с помощью логического примитивизма»²⁸. Несмотря на некоторые полемические преувеличения, изображение это имеет много сходства с оригиналом. В. В. Виноградов доказывает, что Е. И. Прохорову свойственно «внешнее, одностороннее и обедненное» понимание фактов, на которые должны опираться текстологические обобщения; что эти факты, разночтения списков он не столько осмысляет с точки зрения историко-археографической, историко-стилистической и историко-литературной (как это следовало бы делать, если смотреть на текстологию широко), сколько подвергает чисто количественному анализу.

Догматическая тенденция в текстологии не случайна. Она — проявление и следствие широко распространенного в литературоведении того времени поветрия, принявшего характер бедствия: значительная часть литературы выступала как иллюстрация тех или иных идеологем, и было основательно забыто то, что литература — искусство, литературоведы из своего материала также делали «идейно-со-

²⁴ Гельгардт Р. Р. Избранные статьи. Калинин, 1966. С. 84.

²⁵ См.: Лихачев Д. С. Эстетическая оценка и текстологическое исследование: Тезисы // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 449—455.

²⁶ Филологические науки. 1972. № 3. С. 118, 121.

²⁷ Там же. С. 118.

²⁸ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 110, 116.

циологические выжимки» для иллюстрирования предвзятых тезисов, оставляя без внимания все те стороны литературного творчества, которые делают литературу искусством и составляют истинную ее ценность (художественный язык, образная система). Нельзя судить о произведениях в отрыве от всего этого, только по содержащимся в них декларациям — словам и фразам. Сугубо тематический подход может приводить к парадоксам и абсурдам — вроде того, что такая «штука», как «Девушка и Смерть», «сильнее, чем «Фауст» Гете». В таких работах, где настоящие ценностные критерии подменены и нарушены, наука отступала, освобождая место бездумным «правилам» и «канонам», слепая вера в которые напоминала суеверие.

Из недоверия к литературе, текущей и классической, возникла бюрократическая система «редактирования» и искажения текстов; этими же «потребностями» была вызвана к жизни и догматическая текстология.

Вывод напрашивается сам собой: текстология, длительное время не имевшая научного центра, всеохватывающих теоретических и методологических разработок, должна развиваться свободно, с учетом прежних ошибок, как комплексная филологическая наука, неотделимая от общих проблем литературоведения, в полной мере учитывающая многообразие и

всю сложность литературы как искусства.

Я нарушил старинное правило: «De mortuis aut bene aut nihil». Николай Федорович Анненский вносил в эту поговорку существенный корректив: «О мертвых или хорошо или плохо» (т. е. то, чего каждый заслуживает). А Вольтер — так: «О мертвых — только правду».

Ибо правда нужна живым.

И еще — *pro domo sua*. Я был в составе группы текстологии (с 1958 г.) и участвовал в составлении «Основ текстологии» (с. 1—134 — «Введение» и «Очерк истории текстологии новой русской литературы»). Но пришел в столкновение с членами группы — по поводу Томашевского, по вопросам методологии...

Когда книга «Основы текстологии» была близка к выходу, было предложено обозначать авторство огульно, недифференцированно, против чего возразил я один, потому что не мог подписаться под основными главами, будучи с ними несогласен решительно²⁹. С появлением книг Лихачева я стал его приверженцем, отношения с Нечаевой и Прохоровым испортились, и в 1965 г. я вышел из группы, после чего она перестала существовать, целиком поглощенная изданием сочинений Горького.

²⁹ См.: Филологические науки. 1968. № 4. С. 91—95.